

Анна Шилд
Ада Огнева

Босс
моих секретов

18+

Ада Огнева

Босс моих секретов

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Босс моих секретов / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Яромир Берг привык, что перед ним склоняют головы. Дарья Мельникова вместо этого указывает на ошибку, способную уничтожить его главный проект. За такую дерзость увольняют. Он делает её личной помощницей. Теперь Дарье предстоит выдержать характер босса, разобраться в опасных сделках и не выдать, как сильно её притягивает этот невыносимый мужчина. Только кто-то уже слил секретные данные, а доверие в холдинге стоит дороже миллиардов. Дарья умеет находить чужие ошибки. Но сможет ли распознать свою, если слишком близко подпустит к себе Берга?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Шилд

Босс моих секретов

Босс моих секретов
Анна ШилдАда Огнева

Глава 1

Понедельник в центральном аппарате инвестиционно-девелоперского холдинга «Берг Групп» начинался с тяжелого, вязкого предчувствия неминуемой катастрофы.

На головокружительной высоте сорок восьмого этажа зеркальный шпиль башни вгрызался в самое брюхо низких, пепельно-свинцовых туч, ползущих со стороны Балтики. Ранний осенний рассвет так и не сумел пробить плотную пелену московского ненастья: город далеко внизу казался размытой монохромной гравюрой, по которой хлестали первые ледяные струи надвигающейся грозы.

В просторной центральной приемной руководства стояла противоестественная, ватная тишина. В такой тишине саперы обычно ждут детонации заложенного под мостом фугаса.

Сотрудники проектного и финансового департаментов передвигались вдоль матовых стеклянных перегородок бесшумными теньями, стараясь ступать на цыпочках, чтобы жесткие кожаные подошвы не издали предательского скрипа на полированном мраморе. По этажу с самого утра ползли панические, леденящие кровь шепотки: ключевая финансовая модель и полный пакет рабочих чертежей по флагманскому мегапроекту «Северный порт» — проекту с начальной стоимостью госконтракта в восемьдесят пять миллиардов рублей — не поступили в защищенный цифровой депозитарий к утреннему сроку. А в корпоративной иерархии холдинга это означало лишь одно: сегодня здесь прольется живая кровь.

Старший секретарь приемной, ухоженная тридцатилетняя Марина, сидела за массивной полукруглой стойкой из черного кварцита с абсолютно белым, безжизненным лицом. Ее пальцы с безупречным французским маникюром мелко, судорожно подрагивали, тщетно пытаясь разложить по кожаным папкам утреннюю корреспонденцию. Металлическая канцелярская скрепка выскользнула из ее ослабевших пальцев и с сухим звоном ударилась о каменную плиту пола. Марина испуганно втянула голову в плечи, затаив дыхание и затравленно озираясь по

сторонам, точно этот крошечный звук мог прямо сейчас призвать на ее голову ярость громовержца.

Единственным человеком во всем колоссальном пространстве сорок восьмого этажа, кто сохранил непоколебимое, звенящее спокойствие, была Дарья Мельникова.

Двадцатитрехлетний координатор проектного секретариата сидела на своем рабочем месте у панорамного витража. Ее тонкая спина оставалась безупречно прямой, плечи были расправлены с той строгой, естественной грацией внутреннего достоинства, которую невозможно сыграть или приобрести на психологических тренингах. На Дарье была простая, но безукоризненно выглаженная хлопковая блузка теплого молочного оттенка с глухим воротничком под самое горло, строгая темно-серая юбка-карандаш из плотной шерсти, целомудренно закрывавшая колени, и скромные кожаные туфли-лодочки на устойчивом невысоком каблуке. Густые темно-русые волосы были собраны на затылке в идеальный, тугой узел, обнажая чистую линию длинной шеи и фарфоровую белизну кожи.

На мониторе Дарьи оставались две несовпавшие строки ведомости поставок свай. Она открыла резервную копию, нашла пропущенную накладную и внесла ее номер. За перегородкой кто-то шепнул: «Идет». Дарья успела сохранить исправление.

Она знала подлинную цену человеческому страху. Дочь военного полевого хирурга Андрея Мельникова, Дарья провела отрочество и юность в гарнизонных городках и госпитальных коридорах, куда вертолетами доставляли изуверченных людей из горячих точек. Она с четырнадцати лет видела настоящие страдания, рваные раны, ожоги, вьевавшийся запах запекшейся крови и антисептиков. Ее отец сутками стоял у операционного стола под аккомпанемент артиллерийской канонады, возвращая к жизни тех, от кого отказывались остальные.

И отец всегда повторял ей: «Даша, запомни раз и навсегда: истинная сила никогда не кричит. Бешеный ор, брань, стук кулаком по столу и стремление растоптать слабого — это всегда маска паники, свидетельство загнанности и глубокой внутренней боли. Никогда не бойся тех, кто повышает голос. Они просто смертельно боятся собственного бессилия».

Именно поэтому мелкая офисная паника коллег, дрожавших перед грозным начальством, вызывала у Дарьи лишь тихое, глубокое сострадание.

Стрелка настенных швейцарских часов из темного ореха застыла на отметке девять ноль-ноль.

В ту же секунду тишину этажа вспорол резкий электронный сигнал приватного скоростного лифта.

Хромированная стрелка над порталом генерального директора вспыхнула тревожным багровым светом. Раздался глухой пневматический щелчок, тяжелые створки из полированной стали скользнули в скрытые пазы, и на зеркальный мрамор холла опустилась тяжелая нога хозяина девелоперской империи.

Яромир Андреевич Берг вошел в приемную подобно штормовому фронту, перед которым трескаются вековые сосны.

Его колоссальная фигура мгновенно заполнила собой все видимое пространство. Двухметровый гигант — сто девяносто четыре сантиметра концентрированной, свирепой мужской мощи — двигался широкой, пружинистой и пугающе бесшумной поступью матерого степного волка. Плечи невероятной, былинной ширины, обтянутые безукоризненным шерстяным пиджаком графитового цвета от лучших лондонских портных, казались высеченными из цельного куска гранита. Длинное кашемировое пальто цвета мокрого асфальта было распахнуто настежь; на третьем шаге Берг резким, яростным движением сорвал его с плеч и широким взмахом швырнул через всю приемную прямо на кожаный диван для посетителей.

Воздух в помещении в ту же секунду стал густым, насыщенным тяжелым статическим электричеством. Дохнуло колючим осенним морозом, горьковатой цедрой спелого итальян-

ского бергамота, смолистым настоем векового кедра и крепким, терпким дымом кубинских сигар Partagas, смешанным с ароматом дорогого торфяного виски.

Марина за стойкой издала жалобный, придушенный писк, уронила дорогую шариковую ручку прямо под плинтус и вжалась в спинку кресла, пытаясь буквально раствориться в воздухе.

Берг даже не удостоил секретаря взглядом. Жесткие, выточенные резцом скульптора скулы мужчины были налиты опасной темной краской. На тяжелой, волевой челюсти с характерной глубокой ямочкой отчетливо чернела густая трехдневная щетина. Стальные серые глаза, обыкновенно отливавшие ледяным спокойствием расчетливого биржевого хищника, сейчас полыхали черным первобытным пламенем: зрачки расширились почти во всю радужку, свидетельствуя о крайней, предельной степени ярости. Тонкий темно-синий шелковый галстук душил мощную шею, но под белоснежным воротником сорочки Brioni уже с пугающей силой колотилась толстая сонная артерия.

Из бокового прохода, задыхаясь от паники, выскочил начальник аналитического отдела Илья Смирнов.

Сорокалетний высокооплачиваемый топ-менеджер сейчас выглядел абсолютно раздавленным, жалким подобием человека. Его одутловатое лицо блестело от обильного холодного пота, шелковый галстук сбился на сторону, манжеты рубашки промокли насквозь. В дрожащих пальцах Смирнов судорожно прижимал к животу пухлую картонную папку с металлическим арочным механизмом — добрых три сотни страниц важнейшей документации.

— Яромир Андреевич! — голос аналитика сорвался на унижительный бабий фальцет, едва он приблизился к шагающему титану. — Мы... мы всю ночь сидели! Субподрядная организация по гидротехническим сооружениям порта задержала передачу уточненных коэффициентов прочности грунта... Из-за резкого скачка цен на арматурную сталь мы не успели сбалансировать финансовую модель третьего квартала... Нам нужны всего одни сутки! Яромир Андреевич, умоляю, буквально двадцать четыре часа, и мы сведем все графики до копейки!

Берг замер.

Его внезапная остановка была подобна падению чугунного занавеса. Он медленно, страшно развернулся всем своим исполинским корпусом к лепечущему сотруднику. Огромная темная тень гиганта накрыла Смирнова целиком, отрезая мужчину от спасительного света коридора.

Кулаки Берга медленно сжались, и на его предплечьях вздулись тяжелые канаты жил.

— Сутки? — произнес Яромир.

Его низкий, вибрирующий баритон прозвучал без надрыва, но этот утробный раскат заставил тонкие стеклянные перегородки отозваться предупреждающим металлическим звоном. В этом голосе звенела безжалостная, абсолютная власть хищника, выносящего смертный приговор без права на апелляцию.

— Пять месяцев назад, Смирнов, я выделил твоему департаменту тридцать миллионов рублей дополнительного премиального фонда именно за гарантию безупречного соблюдения сроков по «Северному порту», — каждое слово босса падало на полированный мрамор, словно увесистый свинцовый слиток. — Предварительное заседание тендерной комиссии начинается сегодня ровно в четырнадцать ноль-ноль. Ты имел в распоряжении любые мыслимые ресурсы холдинга. Ты лично клялся своей карьерой, что итоговая сметная книга ляжет на мой стол сегодня в девять утра.

— Яромир Андреевич, форс-мажор на металлургическом комбинате в Череповце... — в полнейшем отчаянии заскулил Смирнов, инстинктивно выставляя перед собой трясущиеся руки, словно пытаясь отгородиться от надвигающейся гранитной скалы. — Я готов немедленно выехать в министерство...

— Заткнись. — Берг остановил его поднятой ладонью. Смирнов проглотил оставшуюся фразу.

Серые глаза миллиардера превратились в две узкие щели. Желваки на его щеках заходили ходуном, перемалывая остатки терпения.

— Ты уволен, Смирнов. Прямо сейчас. Десять минут на то, чтобы очистить ящики стола от личного барахла. Если через одиннадцать минут я увижу твою потную физиономию на сорок восьмом этаже — служба безопасности Тарасова вышвырнет тебя из башни через мусорный дебаркадер. А твоя трудовая книжка получит такую волчью статью, что в этом городе тебя не подпустят даже разгружать вагоны с цементом. Вон с моих глаз.

Лицо Смирнова покрылось трупными синюшными пятнами. Он судорожно открыл рот, пытаясь ухватить хоть глоток воздуха, но под немигающим, звериным взглядом Берга остатки его мужской воли превратились в прах.

Мужчина начал в слепом ужасе пятиться назад. Его негнувшиеся ноги заплетались, скользкие от пота ладони потеряли сцепление с лакированным картоном папки.

На четвертом шаге каблук аналитика со стуком зацепился за металлическую опору низкого журнального столика из дымчатого триплекса. Смирнов нелепо взмахнул руками, завалился набок и с глухим ударом врезался бедром в кварцевую стойку приемной.

Тяжелая папка вырвалась из его рук.

Стальные кольца арочного замка с треском распахнулись от сокрушительного удара о каменные плиты пола. Три сотни плотных листов форматов А3 и А4 — сводные сметные расчеты, детальные схемы свайных полей, чертежи глубоководных причалов, финансовые ведомости и графики поставки бетона — с шелестом взмыли в воздух и широким, веерным потоком разлетелись по зеркальному мрамору, устилая холл от порога директорского кабинета до самых дверей лифтов.

Смирнов бросил короткий, безумный взгляд на белый бумажный ковер под своими ногами, затем на окаменевшее, наливающееся свинцом лицо Яромира. Издав жалобный, придушенный всхлип, бывший начальник аналитики бросил растоптанные документы и сломя голову помчался к дверям пожарной лестницы, скрывшись на темных ступенях.

Марина за стойкой окончательно сползла на пол, закрыв голову руками. Из коридоров проектного департамента никто не осмеливался даже высунуть нос. Весь сорок восьмой этаж оцепенел в липком кошмаре, раздавленный первобытной свирепостью хозяина башни.

Яромир Берг стоял посреди хаоса, тяжело и глубоко раздувая ноздри. Его широкая грудь мерно ходила ходуном, кулаки оставались сжатыми до хруста в суставах. Он упивался этим парализующим ужасом, наслаждаясь тем, как абсолютная покорность окружает его золотой трон.

И в этой звенящей, мертвой тишине внезапно раздался отчетливый, негромкий стук невысоких женских каблуков.

Дарья Мельникова поднялась со своего рабочего места.

Глава 2

Марина выглянула из-за стойки и замотала головой, предупреждая. Дарья уже заметила под подошвой Берга угол чертежа. Пока остальные ждали нового крика, она обошла перегородку и направилась к рассыпанным листам.

Подойдя к рассыпанным чертежам, Дарья плавно, с природной грацией опустилась на колени прямо на ледяной полированный мрамор. Плотная серая ткань ее юбки аккуратно легла на темный камень, шелковистые темно-русые пряди у висков едва заметно качнулись.

Тонкие, изящные руки девушки начали быстро и методично собирать листы. Дарья не сгребала бумаги вслепую — ее цепкий, внимательный взгляд мгновенно выхватывал колоннитулы, номера приложений и сквозные шифры чертежей. Титул сводной ведомости, схема распределения статических нагрузок, первый лист гидротехнических узлов, второй, третий... Она укладывала страницы в идеальную, ровную пачку, с безупречной точностью подравнивая срезы постукиванием о твердый камень.

Шуршание плотной мелованной бумаги в парализованной тишине этажа звучало подобно сухим оружейным щелчкам.

Берг медленно опустил тяжелый подбородок.

Его взгляд, тяжелый и давящий, словно многотонная железобетонная плита, уперся в хрупкую фигуру девушки, склонившейся у его ног. Он ждал слез. Ждал, что сейчас ее тонкие плечи задрожат, что она поднимет к нему полное ужаса лицо и начнет молить о снисхождении, боясь попасть под горячую руку разъяренного хозяина.

Дарья перевернула следующий лист, сверила номер приложения и вложила его между двумя чертежами. Берг ждал, когда она заметит его взгляд; она искала недостающую страницу.

В глазах Яромира на мгновение вспыхнуло глухое, опасное недоумение.

Он сделал один широкий, тяжелый шаг вперед.

Огромный черный оксфорд сорок пятого размера, пошитый вручную из плотной английской кожи, с глухим стуком опустился на плиту мрамора всего в одном сантиметре от тонких девичьих пальцев, придерживавших очередной лист сметы.

Колоссальная тень двухметрового мужчины накрыла Дарью целиком, заслонив холодный свет потолочных светильников. Воздух между ними застыл, натянувшись до предела, готовый лопнуть с оглушительным треском.

* * *

Дарья ощутила приближение Берга за секунду до того, как тяжелая кожаная подошва коснулась полированного камня.

От начищенной до зеркального блеска кожи его туфель отчетливо пахло сырым асфальтом, утренним холодом и мокрой листвой. Но куда сильнее была волна сухого, обжигающего жара, исходившая от огромного мужского тела. Этот жар опалил ее пальцы и обнаженные запястья, заставив волоски на предплечьях встать дыбом от пробившего тело статического электричества.

Она не отдернула руку. Пальцы девушки закончили плавное движение, бережно подхватив последний, сотый лист финансового приложения, и опустили его на вершину аккуратно собранной стопки.

На всем сорок восьмом этаже перестали существовать любые звуки. Казалось, даже потоки дождя за панорамными стеклами замерли в невесомости, превратившись в хрустальную застывшую взвесь. В зеркальной глубине пола отчетливо отражались две контрастные фигуры: исполин в безупречном костюме и склоненная перед ним хрупкая девушка.

— Встань, — прозвучал над ее головой низкий, раскатистый бас.

В этом коротком слове хлопотала тяжелая, первобытная мужская сила, привыкшая ломать хребты любому сопротивлению. Звук вибрировал в пространстве, отдаваясь мелким звоном в стеклянных перегородках.

Дарья не вздрогнула. Она положила тонкие ладони на плотный картон восстановленной папки, плавным, текучим движением поднялась с колен и выпрямила спину. Никакой спешки, никаких резких, угодливых рывков. Ее движения напоминали раскрывающийся стебель цветка — хрупкий на вид, но обладающий поразительной внутренней упругостью.

Она прижала увесистую стопку проектных документов к груди, прикрывая ладонями белизну титульного листа.

Контраст между ними был ошеломляющим. Дарья со своими ста шестьюдесятью пятью сантиметрами роста едва доставала макушкой до широких ключиц стоящего перед ней исполина. Чтобы встретиться с ним глазами, ей пришлось высоко задрать подбородок.

Яромир Берг стоял неподвижно, расставив длинные ноги на ширину плеч, словно гранитная скала посреди бушующего океана. Вблизи его мощь казалась еще более сокрушительной. Белоснежная хлопковая сорочка опасно натягивалась на широченных выпуклых грудных мышцах при каждом тяжелом вдохе. На смуглой коже шеи, прямо над воротником, виднелся старый белесый рубец от глубокого пореза — память о беспощадных разборках на первых стройках, сквозь которые он выгрызал свое право на владение этой империей.

Он сделал еще полшага вперед, намертво сжимая разделявшее их пространство. Теперь между ними оставалось меньше сорока сантиметров. Дарья физически ощутила, как ее окутывает густой, терпкий шлейф его присутствия: смолистая кедровая кора, горьковатый бергамот, кубинский табак и темная, животная нота породистого мужского мускуса.

Тяжелые челюсти Берга ходили ходуном, перемалывая клокочущую ярость. Мышцы на его висках натягивались тугими жгутами, мелкая венка у левого глаза подрагивала от переизбытка яда.

— Ты оглохла, Мельникова? — процедил он сквозь зубы, буравя ее лицо стальным, наливающимся свинцом взглядом. — Или вообразила, что общие корпоративные порядки холдинга

писаны не для тебя? С каких пор рядовой персонал секретариата позволяет себе ползать на коленях посреди приемной, подбирая мусор за уволенным ничтожеством?

Марина за стойкой сдавленно охнула, судорожно прижимая ладонь ко рту. За матовыми стеклами соседних департаментов застыли бледные лица коллег, ожидавших неминуемой кровавой расправы. Никто на этом этаже не осмеливался перечить генеральному директору, когда в его глазах разгорался этот свирепый, волчий блеск.

Но Дарья не опустила глаз.

Она смотрела ему в лицо, пока он договаривал, словно собиралась ответить на рабочий вопрос. От этой внимательности Берг рассвирепел еще сильнее: даже папку она держала титулом к нему, готовая показать спасенные расчеты.

В глазах этой девочки светилась абсолютная, пронзительная ясность. Спокойное, непоколебимое мужество человека, который слишком близко видел реальную боль и смерть, чтобы трепетать перед чужим громким голосом. Дарья помнила отца, выходившего из операционной в окровавленном фартуке после шестнадцатичасовой смены, его усталые, мудрые глаза и слова о том, что люди чаще всего рычат от смертельного одиночества.

Яромир на секунду поперхнулся собственным вдохом. Это немое, безмятежное противостояние обожгло его сильнее открытого бунта. Мужчина почувствовал, как почва под его ногами на мгновение качнулась.

— Я слышала каждое ваше слово, Яромир Андреевич, — произнесла Дарья.

Марина приподнялась из-за стойки. Теперь в приемной слушали Дарью; Берг заметил это и подался вперед.

— Документы, которые вы назвали мусором — это единственный полный экземпляр узловых расчетов фундаментной плиты «Северного порта». Если бы Смирнов растоптал их или унес в панике с собой, нам было бы нечего предъявить тендерной комиссии в четырнадцать ноль-ноль. Я восстановила последовательность страниц. Все приложения на месте, раздел гидроизоляции перепроверен.

Берг подался вперед, нависая над ней всей своей исполинской громадой. Его лицо потемнело, резкая вертикальная складка между бровей превратилась в глубокую траншею.

— Мне плевать на эти бумаги! — прорычал он прямо ей в лицо, обдавая ее щеки горячим дыханием с ароматом крепкого виски и табака. — Я задал конкретный вопрос, Мельникова. Какого черта ты лезешь на рожон, когда перед тобой стоит генеральный директор в бешенстве? Ты возомнила себя незаменимой? Или рассчитываешь, что смазливое личико спасет тебя от мгновенного увольнения по статье с волчьим билетом?!

Он ждал, что она дрогнет. Ждал, что ее тонкие пальцы на картонной папке задрожат, пушистые ресницы испуганно опустятся, а губы искривятся в жалобной мольбе. Мужчина внутри него требовал безусловного подчинения, жаждал сломать это необъяснимое, раздражающее спокойствие.

Но Дарья сделала медленный, глубокий вдох, впуская в грудь его горький, смолистый запах.

Ее карие омуты наполнились теплым, пронизательным светом, на самом дне которого плескалось бездонное, обезоруживающее сострадание. Она видела, как под его маской всемогущего демиурга бьется загнанный в глухой угол мальчик, привыкший защищаться от мира каменными стенами.

— Вы кричите не из-за сорванного отчета, Яромир Андреевич, — тихо, но с абсолютной, сокрушительной уверенностью произнесла она.

В зале повисла такая плотная тишина, что стало отчетливо слышно, как за стеклом фасада с тяжелым гулом перекачивается далекий раскат грома.

Берг застыл. Его темные брови медленно поползли вверх, а челюсти сжались с таким звуком, будто в черепе лопнула стальная струна.

— Что... ты... сказала? — каждое слово он выдавил сквозь зубы отдельно, словно перемалывал битое стекло. — Повтори. Если тебе дорога твоя работа и твоя жизнь.

Дарья не отступила ни на миллиметр. Напротив, она сделала едва заметный шаг навстречу его нависающей скале, сокращая расстояние до последних тридцати сантиметров. Теперь она отчетливо видела золотистые искры в его стальной радужке и мелкую сеть красных капилляров, выдавших долгую бессонницу.

— Вы кричите не на Смирнова и не на меня, — отдельно, с кристальной ясностью произнесла девушка, глядя прямо в его чернеющие зрачки. — Вы кричите, потому что вам невыносимо больно. Я читала старое интервью о том, как пять лет назад вас предали самые близкие люди. Вы говорили там только о потерянных деньгах, а сейчас смотрите на каждого так, будто ждете того же удара. И с тех пор вы смертельно боитесь снова довериться хоть одному живому человеку. Вы окружили себя железными стенами, страхом, угрозами и криком только для того, чтобы никто не посмел подойти близко и случайно не коснулся вашей кровоточащей раны.

Берг побледнел. Смуглая кожа на его резких скулах мгновенно утратила бронзовый отлив, став пепельно-серой. Его губы приоткрылись в немом оцепенении, а широкая грудь застыла на полувдохе.

За все тридцать три года его жизни люди научились обходить эту тему. Даже партнеры, знавшие историю краха, при нем говорили только о возвращенных долгах. Берг сам продиктовал такую версию для прессы — и считал вопрос закрытым.

А эта маленькая девочка в простой хлопковой блузке стояла перед ним посреди его собственной башни и с филигранной точностью вскрывала его самое сокровенное, тщательно охраняемое уязвимое место.

И самое невыносимое, самое сокрушительное для его гордости было впереди.

Дарья чуть склонила голову к плечу. На ее лице не было торжества победителя. В уголках ее мягких губ застыла светлая, щемящая женская грусть.

— Вы построили стеклянный замок до самых облаков, но живете в нем как одинокий, затравленный зверь в глухом капкане, — закончила она мягким, проникновенным шепотом, эхом раскатившимся по всему этажу. — Мне искренне жаль вас, Яромир Андреевич.

Удар пришелся точно в цель.

Слово «жалость» повисло в воздухе, словно раскаленный клинок, вонзенный по самую рукоять под ребра несокрушимому властелину холдинга.

Глава 3

Воздух в приемной сорок восьмого этажа мгновенно обратился в сплошной, удушающий вакуум.

Яромир Берг стоял абсолютно неподвижно, но внутри исполинского тела бушевал настоящий тектонический взрыв. Горячая кровь с глухим, оглушающим гулом хлынула к вискам. В ушах зазвенело тонкой металлической струной.

Жалость.

Это жалкое, унижительное слово, которое он ненавидел больше физической смерти, сейчас хлестнуло его по лицу сильнее свинцового хлыста.

Пять лет назад, когда его невеста Алиса вместе с его ближайшим соратником Вадимом Игнатовым продали конкуренту инженерные расчеты и сметы, сорвали ему тендер и оставили с многомиллиардными долгами, Берг едва не потерял все. Он прошел через девять кругов ада, ночевал на бетонных полах строек, отбивался от заказных уголовных дел и выгрызал свою компанию зубами. Тогда он поклялся себе навсегда выжечь любую человеческую слабость, заменив живое сердце холодным расчетливым кремнием. Все его величие, вся несокрушимая репутация «Берсерка» строилась на одном базовом законе: трепет и ужас.

И вот теперь какая-то двадцатитрехлетняя пигалица — мелкий координатор со смехотворной ставкой — посмела сказать, что ей жаль его?! Публично, посреди его собственного центрального офиса, на глазах у вышколенного персонала?!

Желваки на скулах Берга вздулись твердыми узлами. Вены на жилистой шее налились багровой чернотой, а пальцы в карманах брюк сжались с такой силой, что плотная шерстяная ткань затрещала по швам.

В этот момент тишину разорвал резкий, агрессивный грохот.

Дверь углового директорского кабинета распахнулась с пушечным треском. На полированный мрамор холла стремительно вылетела Виктория Сабурова — старший директор департамента инвестиций и стратегического развития.

Двадцативосьмилетняя светская хищница, дочь высокопоставленного вице-мэра столицы, являла собой концентрированный образ агрессивной роскоши. Ослепительный алый брючный костюм от итальянского модного дома сидел на ее точеной, высокой фигуре как вторая кожа. Двенадцатисантиметровые шпильки отбивали по плитам пола яростный, четкий ритм, смоляные блестящие локоны рассыпались по плечам, а в ушах при каждом шаге злобно вспыхивали тяжелые бриллиантовые подвески.

Виктория уже два года методично осаждала холодную крепость Берга, искренне полагая себя единственной законной претенденткой на его постель, фамилию и гигантские активы. Она привыкла повелевать подчиненными как бессловесной прислугой и презирала любую женщину в холдинге, не обладавшую миллионным счетом.

Ее холеное, безупречно накрашенное лицо сейчас пылало неприкрытой ненавистью. Она слышала каждое слово через приоткрытую створку своего кабинета.

— Яромир Андреевич! — звонкий, резкий голос Сабуровой вспорол наэлектризованную тишину, словно лезвие бритвы. — Я требую сию же секунду прекратить этот отвратительный балаган! Это неслыханное, вопиющее хамство! Какая-то ничтожная секретарша смеет открывать свой рот и публично оскорблять первое лицо холдинга?!

Виктория замерла в двух шагах от Берга, прожигая Дарью уничтожающим взглядом черных подведенных глаз. Ее накрашенные карминной помадой губы искривились в брезгливой гримасе:

— Уволить ее немедленно! Без выходного пособия, с волчьим билетом по статье за грубейшее нарушение трудовой дисциплины и субординации! Я прямо сейчас наберу начальника охраны Тарасова, пусть служба безопасности выволочет эту оборванку из здания за шкуру прямо под проливной дождь! Ей место половой тряпкой в придорожном мотеле, а не в центральном офисе крупнейшей корпорации!

Марина за кварцитовой стойкой окончательно сжалась в комок, боясь даже поднять голову. Казалось, участь дерзкой сотрудницы решена бесповоротно: под двойным давлением хозяина башни и влиятельной дочери вице-мэра Дарью сотрут в лагерную пыль.

Но Яромир Берг даже не шелохнулся.

Он медленно, страшно, всем своим исполинским корпусом повернулся к распалившейся Сабуровой.

Его лицо превратилось в гранитный монолит, из-под которого проглядывал оскал матерого хищника. В стальных глазах полыхнула такая леденящая тьма, что Виктория мгновенно захлебнулась собственной тирадой. Ее ухоженная рука с бриллиантовым кольцом, занесенная для эффектного жеста, безвольно повисла в воздухе.

— Закрой свой рот, Виктория, — произнес Берг.

Его голос не поднялся выше приглушенного шепота, но этот низкий, вибрирующий утробный рык заставил Сабурову судорожно отшатнуться назад.

— Яромир... но я же ради холдинга... ради твоего статуса... — растерянно пролепетала она, стремительно теряя светский лоск под его немигающим взглядом.

— Пошла вон в свой кабинет, — отчеканил Берг, сделав к ней один короткий, неотвратимый шаг. От него исходила такая осязаемая волна первобытной опасности, что светская львица побледнела под слоем дорогой пудры. — Еще один звук из твоей пасти без моего прямого разрешения — и ты сдашь пропуск вслед за Смирновым. А твоему отцу в мэрии я лично объясню, что его избалованная дочь забыла свое место. Пошла. Вон.

Виктория судорожно сглотнула застрявший в горле ком, втянула голову в плечи и, часто цокая шпильками, почти бегом скрылась за тяжелой дверью своего кабинета, с грохотом запев за собой замок.

В зале снова воцарилось леденящее безмолвие.

Яромир резко развернулся обратно к Дарье.

Его движение было стремительным, как бросок дикой кошки. Прежде чем девушка успела сделать хоть вдох, его тяжелая, обжигающе горячая ладонь взметнулась вверх.

Широкие, мозолистые пальцы Берга жестко и властно сомкнулись на ее тонком девичьем подбородке.

Дарья тихо, прерывисто ахнула. Не от испуга — от внезапного, сокрушительного тактильного разряда. Стальная хватка мужчины зафиксировала ее хрупкие челюстные кости, властно вынуждая запрокинуть голову назад. Кожа в месте контакта мгновенно вспыхнула яростным, нестерпимым пожаром.

Он навис над ней всей массой своего двухметрового роста, вдавливая шероховатую подушечку большого пальца в нежную ямочку прямо под ее нижней губой.

— Тебе меня жаль, птичка? — выдохнул он прямо в ее полуоткрытые губы.

Его голос хрипел от бешеного, с трудом сдерживаемого напряжения. В нем klokотали уязвленное мужское эго, ярость властелина и внезапно вспыхнувшая, темная собственническая страсть, сметающая все мыслимые преграды.

Он смотрел на нее сверху вниз, чувствуя, как под его пальцами бьется частый девичий пульс, как расширились ее карие зрачки, как прерывисто вздымается ее грудь под тонким хлопком блузки, тесно прижатой к тяжелой картонной папке. От нее пахло прохладой дождя, белым садовым пионом и терпкими лепестками сладкого миндаля. Этот чистый, естественный женский аромат опьянял Берга сильнее любого наркотика, заставляя кровь закипать в жилах.

Дарья чувствовала, как его пальцы сжимают кость на самой грани боли. Сердце колотилось в ребрах, как безумный метроном, во рту пересохло, но ее взгляд оставался прикован к его пылающим глазам. Она ощущала бешеный ритм его собственного сердца, отдававшийся мелкой дрожью в его ладони. Мужчина дрожал от собственного скрытого вожделения, не осознавая, что сам попадает в расставленный судьбой капкан.

— Ты возомнила, что раскусила меня, Мельникова? — прошептал Яромир, наклоняясь еще ниже, так что кончик его прямого носа коснулся ее пылающей щеки. — Думаешь, нащупала трещину в броне и теперь сможешь смотреть на меня свысока?

Его дыхание, пахнущее крепким табаком, кедровой смолой и выдержанным алкоголем, обжигало ее шею.

— Я выбью из тебя эту дурь, — прорычал он с хищной, опасной усмешкой, от которой замирало дыхание. — До последней капли. Ты горько пожалеешь о каждом слове, которое посмела произнести здесь.

Берг чуть усилил давление пальцев, заставляя девушку сделать полшага вперед, и развернул ее лицо к массивным дубовым дверям своего кабинета.

— С этой секунды ты больше не числишься в проектном секретариате. Ты мой личный референт. Твой рабочий стол будет стоять прямо в моем кабинете — ровно в двух метрах от меня. Ты будешь работать под моим круглосуточным надзором. Ты будешь дышать только с моего позволения. Шаг за порог кабинета — немедленно.

Он резко разжал пальцы.

На фарфоровой, матовой коже подбородка Дарьи остались отчетливые красные следы от его стальной хватки. Место прикосновения горело живым, покалывающим пламенем.

— Заходи внутрь, Мельникова, — бросил Берг, отступая на шаг и указывая ладонью на темный створ дверей. — Твой персональный ад начинается прямо сейчас. Живо.

Дарья медленно перевела дыхание, не опуская высоко поднятой головы. Тонкие пальцы крепче сжали картонную папку.

Она не стала произносить ни единого слова в ответ. Развернувшись с той же плавной, непоколебимой грацией, девушка перешагнула порог директорской цитадели.

Глава 4

Личный кабинет генерального директора холдинга «Берг Групп» поражал своей монументальной, подавляющей роскошью.

Огромное пространство площадью более двухсот квадратных метров было выдержано в строгой эстетике нордического брутализма. Стены были обшиты массивными панелями из мореного дуба глубокого коньячного оттенка, наглухо поглощавшими любые звуки внешнего мира. Пол покрывали массивные плиты полированного лабрадорита: при малейшем падении света в темной толще камня вспыхивали глубокие синие, лазурные и серебристые кристаллы.

В центре зала возвышался грандиозный пятиметровый рабочий стол, вырубленный из цельного спила векового дуба на массивных стальных опорах. За ним открывалась исполинская стеклянная стена панорамного остекления.

За окнами уже бушевал полномасштабный осенний шторм. Непрерывные потоки ледяной воды с размаху хлестали по бронированному триплексу, превращая огни мегаполиса в дрожащие мутные разводы. Небо над башней разорвала ослепительная ветвистая молния, на долю секунды озарившая монументальный интерьер мертвенным фиолетовым светом, а следом за ней ударил глухой, раскатистый громовой удар, заставивший завибрировать тяжелые плиты пола.

Дарья прошла к центру комнаты и аккуратно опустила собранную папку со сметными расчетами на полированный край приставного переговорного стола.

В ту же секунду за ее спиной раздался тяжелый, утробный звук.

Полуторатонные двухстворчатые двери из легированной бронированной стали, искусно замаскированные дубовым шпоном, плавно сошлись в пазах и захлопнулись с плотным, вакуумным звуком тяжелого банковского сейфа.

Следом раздался сухой металлический щелчок электромагнитного ригеля.

Дарья резко обернулась.

Яромир Берг стоял у дверного косяка. В его широкой смуглой руке тускло блеснул компактный пульт дистанционного управления из черного матового титана. Нажатием сенсорной клавиши он намертво заблокировал вход: на внутренней накладке замка тревожно вспыхнул алый светодиод высшего уровня секретности.

Кабинет превратился в герметичный бункер, полностью отрезанный от остального человечества.

— Яромир Андреевич, — Дарья посмотрела на алый светодиод, затем на пульт в его руке. Сердце колотилось, но голос донесся до него отчетливо. — То, что вы сейчас делаете, грубо нарушает трудовое законодательство и уголовный кодекс. Это принудительное незаконное лишение свободы на рабочем месте.

Берг даже не удостоил ее замечание ответом.

Он небрежно швырнул титановый брелок на гранитную консоль у входа и медленно, с тягучей, пружинистой грацией матерого хищника двинулся прямо на нее.

На ходу его пальцы взлетели к горлу. Одним резким, нетерпеливым рывком он сорвал шелковый темно-синий галстук от Hermes, выдернул его из-под воротника и небрежно бросил в сторону кожаного дивана. Дорогая ткань бесшумно соскользнула на пол.

Следом его сильные пальцы расстегнули верхние пуговицы белоснежной сорочки. Плотная ткань разошлась в стороны, обнажая массивное основание шеи, выступающие жесткие ключицы и полосу смуглой рельефной груди, покрытой густым темным волосом. В яремной впадине бешено, тяжело пульсировала сонная жила.

Берг резким движением закатал рукава рубашки выше локтей. Его мощные, мускулистые предплечья — жилистые, покрытые узловатыми канатами вен, похожими на корни вековых деревьев, — обнажились, добавляя его монументальной фигуре пугающей, первобытной свирепости. На костяшках его правой руки белели старые шрамы от уличных драк молодости.

Он шел на нее молча, не сводя с лица девушки горящих, чернеющих глаз, в которых горело неистовое мужское пламя.

Дарья инстинктивно сделала шаг назад. Затем еще один.

Ее каблук уперся в плинтус стены за переговорным столом. Лопатки девушки коснулись прохладной поверхности дубовых панелей. Отступать было некуда. Пространственная ловушка захлопнулась окончательно.

Яромир настиг ее в два широких шага.

Он не прикоснулся к ее телу, но встал так близко, что между ними едва ли оставалось несколько сантиметров пустоты. Широкие, тяжелые ладони мужчины с глухим стуком уперлись в дубовую обшивку стены по обе стороны от ее головы, намертво заперев девушку в капкан своих исполинских плеч.

Дарья оказалась в абсолютном плену его колоссальной физической мощи.

От его мускулистого тела исходил такой нестерпимый жар, будто она стояла перед распахнутой дверцей раскаленной печи. Густой аромат бергамота, смолистого кедра, кубинского табака и чистого мужского мускуса хлынул ей в легкие, вытесняя весь остальной воздух. Голова кружилась от опасной, дурманящей близости.

Сердце Дарьи колотилось о ребра так сильно, что тонкий хлопок блузки ходил ходуном. Но ее взгляд не дрогнул. Она запрокинула голову, глядя в лицо мужчине, чья исполинская тень полностью поглотила ее хрупкую фигуру.

Берг медленно опустил голову.

Его лицо замерло всего в одном сантиметре от ее лица. Его тяжелое, горячее дыхание обжигало ее губы, заставляя их трепетать от жара. В стальных глазах зверя бушевала темная, неистовая буря — сплав ярости, уязвленного самолюбия и дикой, непреодолимой страсти, которую он больше был не в силах прятать за маской ледяного цинизма.

— Ты думала, что разгадала меня, Дарья? — его низкий, вибрирующий баритон рокотал прямо у ее приоткрытого рта, отдаваясь сладкой судорогой внизу живота. — Думала, что твоя жалость делает тебя неуязвимой?

Он подался еще ближе. Темные жесткие пряди его волос коснулись ее лба. Яромир слегка повернул голову и шумно, глубоко втянул ноздрями воздух возле самой мочки ее уха, заставляя нежную девичью кожу покрыться крупными мурашками.

Аромат белого пиона, сладкого миндаля и теплой девичьей кожи ударил ему в кровь, окончательно сметая остатки рассудка.

Его пальцы на дубовой панели судорожно сжались, с сухим треском впиваясь ногтями в лакированное дерево.

— Я докажу тебе, что ты совершила самую страшную ошибку в своей жизни, — прошептал он ей на ухо, и от звука этого хриплого шепота по позвоночнику Дарьи пробежал обжигающий электрический разряд. — Ты будешь бояться меня так, как бояться преисподней. Ты забудешь свое дурацкое сострадание. Ты будешь молить меня о пощаде прямо здесь, на этом самом полу...

Берг резко отстранился на пару сантиметров и заглянул в самую глубину ее бездонных карих глаз.

В них по-прежнему бушевало отражение грозы за окном. В них светилось естественное женское волнение, сумасшедший пульс выдавал трепет ее тела, но в самой глубине этих теплых янтарных озер по-прежнему горел ровный, несломленный огонь.

Дарья повернула голову к выходу, насколько позволяла его близость, и снова посмотрела на Берга: ждала, когда он уберет руки и даст пройти.

Челюсти Берга свело судорогой. Его лицо исказила гримаса неподдельного, иступленного бешенства пополам с диким восторгом охотника, натолкнувшегося на равного, непокорного противника.

— Почему ты не дрожишь, черт тебя дери?! — прорычал он прямо в ее губы, втягивая воздух сквозь стиснутые до скрипа зубы. — Почему ты не дрожишь передо мной?!

Снаружи, за исполинским стеклом сорок восьмого этажа, ослепительная молния распоролла черное московское небо надвое. Оглушительный громовой удар сотряс громаду небоскреба, отозвавшись в звенящей тишине кабинета звоном хрустальных подвесок и бешеным, сливающимся стуком двух сердец, запертых в золотой клетке.

Глава 5

Утро вторника начиналось с тяжелого, вязкого тумана, который намертво спеленал верхние ярусы башни «Берг Групп». На высоте сорок восьмого этажа казалось, будто за панорамным остеклением нет никакого города — только бесконечное белесое ничто, сквозь которое с трудом пробивался холодный рассеянный свет ранней осени.

В кабинете генерального директора стояла давящая, почти физически ощутимая тишина. В ней отчетливо слышался каждый шорох: сухой шелест плотной мелованной бумаги, тиканье тяжелых напольных часов из темного ореха и размеренное, глухое дыхание мужчины, сидевшего во главе пятиметрового стола из мореного дуба.

Яромир Андреевич Берг не спал всю ночь.

Он сидел в глубоком кожаном кресле, откинув голову на высокую спинку, и немигающим взглядом буравил входные двери. Белоснежная сорочка от Brioni, сшитая на заказ по меркам его чудовищно широких плеч, была расстегнута у горла на две пуговицы, обнажая рельефную яремную впадину и жесткие ключицы. Рукава были закатаны до середины мощных, покрытых темным волосом предплечий, где под смуглой кожей отчетливо проступали вздутые узловатые вены. На резких, высеченных из гранита скулах темнела трехдневная щетина, а в стальных серых глазах, налитых свинцом и красными прожилками бессонницы, тлело опасное, тяжелое пламя.

Рядом с его локтем, на полированной дубовой столешнице, остывал нетронутый бокал с виски. Воздух в кабинете был густо пропитан горьким ароматом бергамота, кедровой смолы и дорогого кубинского табака — Берг выкурил две сигары еще до рассвета, пытаясь выжечь из памяти вчерашнее утро.

Но выжечь его не удавалось.

«Вы кричите, потому что вам больно и страшно снова поверить людям. Мне искренне жаль вас».

Ее слова звенели в его ушах всю ночь, как назойливый металлический звон после взрыва гранаты. Они жгли его изнутри, царапали горло, выворачивали суставы. Никто. За все тридцать три года его волчьей жизни никто не смел смотреть на него так — без собачьего трепета, без раблепного ужаса, без жадного блеска в глазах. Эта девчонка — хрупкая, прозрачная, едва достававшая ему до ключиц — посмотрела прямо в его чернеющую бездну и увидела там не титана, не хозяина девелоперской империи, а загнанного, истекающего кровью зверя.

И посмела пожалеть его.

Челюсти Берга сжались с глухим хрустом. Желваки на висках заходили ходуном. Вчера он запер ее здесь. Прижал к дубовой панели, навис скалой, вдохнул аромат ее кожи — чертов белый пион и сладкий миндаль, от которого до сих пор кружилась голова, — и приказал работать здесь. В двух метрах от себя.

Он хотел сломать ее. Хотел увидеть, как ее карие, спокойные, раздражающе чистые глаза наполнятся мутью слез, как задрожат ее пухлые губы, как она упадет на колени и будет умолять вернуть ее обратно, в тихий загон общего секретариата.

В двух метрах от его массивного стола уже стоял второй — лаконичный, из светлого дуба, с новым монитором, телефоном внутренней связи и аккуратным органайзером. Приказ начальника службы безопасности Тарасова был выполнен еще в полночь: кабинет превратился в персональную золотую клетку.

Часы пробили восемь утра. Затем стрелка переползла на восемь десять.

Берг нарочито шумно перевернул страницу финансовой модели, бросая короткий, хищный взгляд на хронометр. Опоздает. Конечно, она опоздает. Либо не выдержит и пришлет заявление по собственному желанию через отдел кадров. Женщины всегда ломаются первыми. Они не держат удар, они прячутся за слезами и больничными листами.

В восемь четырнадцать тишину приемной за двойными бронированными дверями нарушил еле слышный щелчок электронного замка.

Дверь плавно отъехала в сторону, скользя по скрытым направляющим.

На пороге кабинета стояла Дарья Мельникова.

Берг замер, не опуская руки с документа. Его взгляд, тяжелый и давящий, как бетонная плита, скользнул по ее фигуре с ног до головы, жадно выискивая малейший признак капитуляции.

Но капитуляции не было.

Дарья держала спину прямо, с той безупречной, врожденной грацией, которую невозможно симитировать или купить за деньги. Ее темно-русые волнистые волосы были уложены в аккуратный, гладкий узел на затылке, открывая длинную, трогательно беззащитную шею. На ней была та же скромная, но безукоризненно отутюженная хлопковая блузка с глухим воротом под горло, простая темно-серая юбка-карандаш, доходившая ровно до середины колен, и классические лодочки на невысоком каблуке. Никаких следов бессонной ночи под глазами. Только легкий девичий румянец на матовых щеках и бездонные, теплые карие омуты глаз, в которых отражался свет настольной лампы.

В руках она держала массивный поднос из полированного серебра. На нем стояла миниатюрная фарфоровая чашка тончайшего костяного фарфора и стакан ледяной воды с тонким кружочком лимона.

Она придержала поднос у порога, чтобы вода осталась в стакане, и понесла его к столу. Берг ждал, что она остановится за разрешением войти; Дарья уже приближалась к столу.

— Доброе утро, Яромир Андреевич. — На его угрюмый взгляд Дарья ответила коротким кивком.

Берг не ответил. Он сидел неподвижно, сложив руки на груди, ощущая, как внутри поднимается горячая волна бешенства, смешанная с острым, колющим любопытством.

Дарья подошла к его столу, не отводя взгляда. От нее пахло утренней свежестью, прохладой улицы и тем самым сводящим с ума ароматом белого пиона, который за ночь вьелся в обивку его кресла. Она плавно наклонилась, ставя чашку на тяжелую подставку из черного гранита справа от его клавиатуры.

Над чашкой поднимался густой, смолянистый пар. Темная, плотная, шелковистая пенка орехового оттенка лежала идеальным ровным слоем, не имея ни единого пузырька.

— Ваш кофе. — Дарья поставила рядом стакан воды, выпрямилась и убрала опустевший поднос под локоть. — Кенийский сорт, высокогорная арабика категории АА, свежий помол, средняя венская обжарка. Двойной эспрессо без добавления сахара и молока. Температура подачи — ровно семьдесят два градуса. Вода из артезианского источника с нейтральным уровнем минерализации.

Берг медленно опустил взгляд на чашку, затем снова поднял его на девушку. Вены на его висках вздулись еще сильнее.

— Кто слил тебе мои параметры? — его низкий, рокошующий баритон вибрировал от сдерживаемой угрозы. — Сабурова? Или ты успела взломать базу личных предпочтений руководства в серверной?

Дарья даже бровью не повела. В ее карих глазах мелькнула едва заметная искра спокойной иронии, которая взбесила его больше любого открытого хамства.

— Никто ничего мне не сливал, Яромир Андреевич.

— Не ври мне, Мельникова, — процедил он, подаваясь вперед всем корпусом и опираясь кулаками о столешницу. — Я терпеть не могу дешевую ложь. Мой кофе готовила шеф-бариста из закрытого клуба на Патриарших. Она отработывала рецептуру три месяца под личным контролем начальника моей охраны. Откуда рядовой секретарь знает про Кению АА и семьдесят два градуса?

Дарья сделала полшага назад, сохраняя идеальную дистанцию субординации.

— Вчера утром, когда вы разносили департамент аналитики в приемной, начальник отдела в панике задел журнальный столик, — неторопливо объяснила она. — Несколько листов долетели до кофейной ниши за стойкой. Поднимая их, я увидела пустую фольгированную пачку из-под крафтового зерна, которую туда выбросила ваша помощница. А на дисплее профессиональной кофемашины отображался сохраненный профиль вашего напитка с температурой подачи семьдесят два градуса и таймер экстракции в двадцать три секунды. Марина показала, как вызвать профиль. Остальное было на упаковке.

Берг смотрел на нее так, словно перед ним стояло инопланетное существо.

— Базовое внимание к деталям, Яромир Андреевич, — тихо добавила Дарья, и ее взгляд снова стал тем самым — согревающим, глубоким, видящим его насквозь. — Чтобы понять человека, не нужно взламывать серверы или нанимать частных детективов. Достаточно просто смотреть на мир вокруг себя и не быть ослепленным собственной гордыней.

Воздух между ними сгустился до плотности желе.

Берг молчал секунд десять. Его тяжелая ладонь протянулась к чашке. Пальцы с загрубевшей кожей обхватили тонкую фарфоровую ручку. Он поднес чашку к лицу, вдохнул густой, смолистый аромат с нотами спелой смородины, кедра и горького шоколада, а затем сделал первый глоток.

Вкус был безупречен. Идеальная бархатистая плотность, ни малейшей горечи пережженного зерна, глубокая, чистая кислинка на кончике языка и теплое, долгое послевкусие, ударившее прямо в пересохшее горло. Гортань мужчины судорожно сжалась от наслаждения, которое он не успел скрыть.

Этот кофе был сварен лучше, чем в его клубе.

Но признать это вслух означало бы отдать ей первую победу в этой войне. А Берг никогда не проигрывал. Ни врагам на тендерах, ни собственным слабостям.

Он со стуком опустил чашку на мраморную подставку, так что фарфор жалобно звякнул.

— Кофе сносный, — ледяным тоном бросил он, отводя глаза к монитору. — Но ты здесь не для того, чтобы изображать заботливую сиделку, Мельникова. Мой кабинет — не пансионат благородных девиц. Жалость и домашний уют оставь для своего жениха, если он у тебя есть.

— У меня нет жениха. — Дарья выдержала его внезапно пристальный взгляд. — А кофе — это часть функционала личного помощника, как написано в моем трудовом договоре.

— Теперь твой функционал определяет моя воля, — отрезал Берг.

Он резко открыл нижний ящик массивного стола и с глухим стуком выставил на столешницу восемь тяжелых картонных папок в черных кожаных переплетах. Стопка возвышалась почти на полметра.

— Проектно-сметная документация жилого кластера и портовой зоны «Северный порт», — отчеканил Яромир, впиваясь в нее колючим взглядом. — Здесь восемь томов первичных смет, графиков поставки металлоконструкций и расчетов гидротехнических сооружений от трех генеральных подрядчиков. В пятницу мы выходим на подписание синдицированного кредита на сто сорок миллиардов рублей.

Он постучал костяшками пальцев по верхней папке:

— В этих томах защиты коэффициенты инфляционного удорожания и скрытые комиссии посредников. Твоя задача — пересчитать каждую строчку. Вручную. Без автоматических шаблонов и макросов, которые маскируют ошибки. Я хочу видеть реальную дельту себестоимости по каждому кубометру монолита и каждой тонне арматуры. Срок — ровно до тринадцати ноль-ноль.

Дарья посмотрела на гигантскую стопку бумаг. Любой экономист холдинга схватился бы за сердце: такой объем работы аналитический отдел из десяти человек выполнял за трое суток. Берг давал ей меньше пяти часов, намереваясь растоптать ее хваленое хладнокровие.

— Если ошибешься хоть на одну цифру в итоговой ведомости, Мельникова, — добавил он, прищутив серые глаза, — я лично подпишу приказ об увольнении по статье о служебном несоответствии. С волчьим билетом и закрытием доступа во все девелоперские структуры города. Ты поняла задачу?

Дарья сделала шаг вперед. Ее тонкие пальцы без колебаний легли на тяжелую кожаную обложку верхней папки.

— Задача ясна, Яромир Андреевич. К тринадцати ноль-ноль сводная ведомость с выявленными расхождениями будет лежать на вашем столе.

Она легко подхватила стопку документов весом под шесть килограммов, не позволив себе даже пошатнуться под этой тяжестью, и развернулась к своему столу.

Берг смотрел ей в спину. Напряженные плечи под тонким белым хлопком, изящная талия, плавный шаг. Он ожидал возмущения, мольбы о переносе сроков, жалобы на несправедливость.

Она не произнесла ни слова.

Сев в кресло, Дарья положила перед собой стопку чистых листов, достала из пенала металлическую ручку, включила портативный калькулятор и открыла первый том сметы.

Битва началась.

Глава 6

Следующие четыре с половиной часа в кабинете царила мертвая, почти зловещая тишина, нарушаемая лишь треском клавиш калькулятора, методичным шелестом переворачиваемых страниц и редким скрипом пера по бумаге.

Яромир Берг пытался работать. Перед ним светились три монитора терминала Bloomberg, вспыхивали красным и зеленым котировки акций, поступали срочные сводки с инвестиционных площадок, но его внимание неотвратимо, словно намагниченная стрелка компаса, соскальзывало в сторону дубового стола у окна.

Дарья работала как слаженный часовой механизм.

Берг дважды откладывал свои бумаги, ожидая вопроса. Дарья оба раза находила нужное приложение сама и продолжала считать. Ее спина оставалась безупречно прямой, голова была слегка наклонена над чертежами, а тонкие пальцы с поразительной скоростью скользили по строкам бесконечных расчетных таблиц. Несколько прядей темно-русых волос выбились из строгого узла и теперь мягко щекотали ее нежную щеку. Время от времени она нетерпеливым, трогательным жестом заправляла их за маленькое ухо, обнажая изящный профиль и тонкую шейку.

На безымянном пальце правой руки темнела крошечная ссадина — след от грубого края картонного скоросшивателя. Но Дарья даже не поморщилась, продолжая выверять коэффициенты.

Берг поймал себя на том, что уже десять минут тупо смотрит на изгиб ее шеи. В горле снова пересохло. Зверь внутри него ворочался, рычал от раздражения: вместо того чтобы паниковать и ронять слезы на сметы, эта девчонка хладнокровно потрошила многомиллиардный проект.

Часы в углу кабинета гулко пробили половину первого. Затем стрелка дошла до без пяти час.

Ровно в двенадцать пятьдесят пять Дарья отложила ручку. Ее пальцы слегка дрожали от многочасового напряжения, и перед тем, как встать, она размяла затекшую кисть. Она аккуратно выровняла стопку проверенных актов, сложила черновики в отдельную папку и поднялась из-за стола.

Каблуки ее туфель мягко простучали по каменному полу.

Она подошла к столу Берга и опустила перед ним тонкую, аккуратно сшитую пластиковую папку с синим корешком.

— Сводная аналитическая ведомость готова, Яромир Андреевич.

Берг медленно оторвался от экрана, смерив папку тяжелым, недоверчивым взглядом:

— Уже сдалась? Решила принести сырой черновик?

— Проверьте сами. — Дарья раскрыла перед ним ведомость на отмеченной странице. — В томе два и три коэффициенты инфляционного плеча рассчитаны корректно, отклонения в пределах нормы. Однако в четвертом томе, в разделе гидроизоляции фундаментной плиты стилобата и шпунтового ограждения котлована, генеральный подрядчик «СпецСтройМонолит» применил завышенный коэффициент уплотнения грунта и задвоил стоимость доставки сульфатостойкого бетона.

Она коснулась страницы кончиком тонкого пальца:

— Реальная переплата холдинга по данному разделу составляет семнадцать миллионов четыреста шестьдесят тысяч рублей. Все первичные накладные сопоставлены с рыночными индексами Госстроя за текущий квартал. На странице двенадцать я приложила формулу перерасчета.

Берг придвинул к себе раскрытую папку. Его цепкий, наметанный взгляд хищника впился в ровные, аккуратные столбцы цифр.

Расчеты были безупречны. Никакой воды, никаких округлений. Математическое доказательство наглого воровства подрядчика было выстроено с железной, неопровержимой логикой военного донесения. Девочка за четыре часа сделала то, что департамент внутреннего аудита Сабуровой не мог раскопать две недели.

Она не просто спасла ему семнадцать миллионов рублей прямо перед подписанием кредита. Она лишила его малейшего повода для разноса.

Внутри у Берга все закипело. Уязвленная мужская гордость требовала подчинения, а натыкалась на несокрушимый гранит ее интеллекта.

Он захлопнул папку с сухим треском.

— Свободна, — процедил он сквозь зубы.

— Я могу вернуться к текущим задачам секретариата? — спросила Дарья.

— Нет, — рявкнул он, резко поднимая на нее глаза.

Его взгляд скользнул по ее блузке. От долгого сидения тонкая хлопковая ткань слегка натянулась на груди, очерчивая волнующие, девичьи формы. На левом манжете виднелось крошечное, едва заметное серое пятнышко графитовой пыли.

В глазах Берга вспыхнуло темное, недоброе торжество. Он нашел зацепку.

Не говоря ни слова, Яромир полез во внутренний карман своего пиджака, достал тяжелую матовую карту Centurion из черного титана с платиновым тиснением и с металлическим звоном бросил ее на дубовую столешницу прямо к рукам девушки.

Дарья нахмурилась, глядя на черный прямоугольник безлимитного банковского счета:

— Что это?

— Это деньги, Мельникова, — с издевкой произнес Берг, откидываясь на спинку кресла и складывая пальцы домиком. — Твой внешний вид оскорбляет эстетику моего кабинета. Мой личный референт не имеет права сидеть в двух метрах от меня в полиэстере за три тысячи руб-

лей с вещевого рынка. От тебя несет бедностью и дешевым порошком. Забирай карту. Внизу, в стилобате башни, открыта галерея бутиков. Купишь себе пять нормальных деловых костюмов. Чтобы к вечеру я этого убожества на тебе не видел.

Дарья замерла. Краска медленно отхлынула от ее лица, сменившись ледяной, фарфоровой бледностью. Ее карие глаза потемнели, вспыхнув чистым, яростным пламенем оскорбленного достоинства.

Она медленно протянула руку. Двумя пальцами, словно брезгуя прикоснуться к чужому металлу, она пододвинула титановую карту обратно к краю стола Берга.

— Моя блузка сшита из чистого хлопка, Яромир Андреевич, — ее голос прозвучал тихо, но с такой силой, что зазвенел хрустальный графин на полке. — Она чистая, выстиранная и отглаженная моими собственными руками. Я пришла сюда работать аналитиком и референтом. Мой мозг, мои знания и мое время принадлежат холдингу в рамках трудового договора. Мое тело и то, во что оно одето, — не ваша собственность.

Она выпрямилась, вздернув подбородок:

— Я не продаюсь за титановые карты. Заберите ее. И если вам неприятно смотреть на хлопок — можете просто не поднимать на меня глаз.

Берг онемел на секунду. Затем его лицо исказилось первобытной яростью. Ни одна женщина в его жизни — ни топ-модели, ни светские львицы, ни дочери министров — никогда не смели швырять ему в лицо его безлимитные кредитки. Они дрались за право провести ночь в его спальне ради одной десятой доли того, что лежало на этом куске металла.

Он медленно, пугающе плавно поднялся во весь свой гигантский рост. Сто девяносто четыре сантиметра литой, сокрушительной мощи заслонили дневной свет из окна. Тень титана накрыла Дарью целиком.

Обойдя стол тяжелыми, бесшумными шагами, он приблизился к ней вплотную. Дарья инстинктивно попыталась сделать шаг назад, но уперлась бедром в угол своего рабочего стола. Пути к отступлению не было.

Берг навис над ней, наклоняясь так низко, что его горячее, пахнущее крепким табаком и горьким кофе дыхание обожгло ее губы.

— Ты забываешься, Мельникова, — пророкотал он глухо, и его зрачки расширились почти на всю серую радужку, превращая глаза в две черные бездны. — Ты думаешь, я играю с тобой в благородство? Ты находишься на моей территории. И здесь действуют только мои законы.

Он протянул руку к колонне у окна и вдавил скрытую клавишу селектора:

— Тарасов. Впусти их.

Дарья вздрогнула. Двойные двери кабинета бесшумно разъехались.

В комнату вошли две элегантные женщины в строгих черных платьях — старшие консультанты закрытого флагманского бутика «Atelier Haute Couture», расположенного на приватном этаже стилобата. Следом за ними двое охранников вкатили два массивных хромированных рейла, плотно увешанных эксклюзивными нарядами. В воздухе мгновенно запахло дорогим парфюмом, натуральной кожей и шуршащим итальянским шелком.

— Добрый день, Яромир Андреевич, — вышколенно поклонилась старшая консультантка Инга. — Коллекция прет-а-порте и вечерняя капсула доставлены по вашему распоряжению. Все размеры — точно по переданным параметрам.

— Замечательно, — Берг не сводил глаз с побледневшей Дарьи, на его губах играла жестокая, хищная усмешка. — Моя референтка нуждается в полной смене гардероба. Начните прямо сейчас.

— Вы сошли с ума! — выдохнула Дарья, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Я не стану надевать это! Уберите их вон!

Берг сделал еще полшага вперед. Расстояние между ними сократилось до нескольких миллиметров — его грудь почти касалась ее груди, сминая пространство.

— Ты наденешь то, что я выбрал, птичка, — прошептал он ей прямо в губы, и в его голосе зазвучали раскаты приближающейся грозы. — Либо персонал выйдет за дверь, а я лично сорву с тебя твой чистый хлопок. Прямо здесь. Разорву по швам и натяну платье собственными руками. Ты меня знаешь, Дарья. Я сделаю это и даже не моргну. Выбирай. Даю десять секунд.

Дарья задохнулась от унижения и ярости. Она посмотрела в его глаза — каменные, безжалостные, в которых горело не шуточное обещание, а первобытная, непреклонная готовность исполнить угрозу силой. Он сделает это. Этот зверь действительно сорвет с нее одежду на глазах у охраны.

Грудь девушки судорожно вздымалась.

— Я ненавижу вас, — выдохнула она одними губами.

— Я знаю, — оскалился Берг. — Твое время пошло.

Дарья резко развернулась к рейлу. Ее взгляд заметался по вешалкам: строгие брючные костюмы из шерсти, кашемировые водолазки, коктейльные наряды... Ее пальцы вслепую ухватились за плотную вешалку, на которой струился тяжелый, прохладный шелк глубокого изумрудного оттенка.

Схватив платье, она не взглянула на Берга и быстрым, чеканным шагом скрылась за массивной резной ширмой из мореного дуба в дальнем углу кабинета.

Инга и ее помощница молча замерли у дверей, боясь пошевелиться.

Берг вернулся к своему столу. Он налил себе полстакана виски из хрустального графина, бросил туда два кубика льда и закурил новую сигару, нервно постукивая пальцами по полированному дереву.

Прошло семь минут. Из-за ширмы доносился сухой шорох расстегиваемых пуговиц, шелест снимаемого хлопка и тихое, прерывистое дыхание девушки. Каждый этот звук отдавался в висках Берга ударами набатного колокола.

— Готово? — нетерпеливо бросил он в полумрак угла.

Ширма шевельнулась.

Дарья Мельникова сделала шаг вперед и вышла на свет.

Стакан в руке Яромира Берга опасно накренился. Кубики льда с сухим звоном ударились о хрусталь. Тлеющий пепел сигары сорвался и упал на документы, но Берг даже не заметил этого.

Он онемел.

Изумрудный шелк сидел на ней так, словно был второй кожей. Тяжелая ткань цвета темного драгоценного камня струилась вдоль ее хрупкого тела, обрисовывая каждую линию: высокую, упругую девичью грудь, осиную талию, которую можно было обхватить двумя ладонями, и мягкий, волнующий изгиб бедер. Спереди платье выглядело строго — лаконичный глухой ворот-стойка подчеркивал лебединую белизну шеи и четкий овал лица.

Но когда Дарья сделала шаг и слегка повернулась к ростовому зеркалу, дыхание Берга перехватило намертво.

Сзади платья практически не было.

Головокружительный, чувственный вырез начинался от самых плеч и уходил вниз, обнажая хрупкие, точеные лопатки, соблазнительную ложбинку позвоночника и безупречную, матовую, мраморно-белую кожу до самой поясницы. Волосы, рассыпавшиеся из узла, темными шелковистыми волнами лежали на ее обнаженных плечах, создавая невыносимый, дикий контраст с зеленым сиянием ткани.

Она выглядела не как секретарь. Она выглядела как королева, сошедшая с полотен старых мастеров, от одного взгляда на которую мужчины развязывали войны и сжигали империи.

Берг сидел неподвижно. Его глаза потемнели до цвета грозовой тучи. В горле встал раскаленный ком, а сердце в груди ударило так тяжело и мощно, что загудело в ушах.

Она была совершенна. И она принадлежала ему.

Глава 7

Старшая консультантка Инга, моментально оценив ошеломленное молчание миллиардера, сделала знак помощнице. Они бесшумно выкатили рейлы в приемную, оставив на журнальном столике кожаную папку с накладными.

— Все счета будут оплачены, — глухо бросил Берг, даже не поворачивая головы в сторону персонала. — Оставьте нас.

Двери закрылись. В кабинете снова воцарилась тишина, но теперь она была наэлектризована до предела, словно воздух перед ударом молнии.

Дарья стояла перед трехстворчатым ростовым зеркалом в гардеробной нише. Ее щеки пылали алым маковым цветом. Она чувствовала себя почти обнаженной: прохладный воздух кондиционера ласкал открытую спину, шелк приятно холодил бедра, но физическое ощущение чужого взгляда жгло сильнее открытого огня.

Она попыталась справиться с платьем.

Тонкая потайная молния в боковом шве застряла чуть выше талии. Над ней расходилась ткань, мешая платью сесть по фигуре. Миниатюрный металлический бегунок намертво закусил край тончайшей шелковой подкладки.

Дарья завела правую руку за спину, пытаясь нащупать язычок замка. Пальцы соскальзывали с гладкого металла. Ткань натянулась на груди, вырез на спине накренился, открывая еще больше обнаженной кожи.

— Черт... Ну пожалуйста... — сдавленно прошептала она себе под нос, безуспешно дергая застрявший бегунок. Лопатки свело от неудобной позы.

— Не дергайся. Порвешь ткань за полмиллиона.

Голос раздался прямо над ее головой — низкий, рокочущий, вибрирующий от скрытого напряжения.

Дарья вздрогнула и замерла, боясь шелохнуться.

Яромир подошел абсолютно бесшумно. Его массивная, двухметровая фигура выросла в зеркале прямо за ее спиной, полностью заслоняя мягкий свет потолочных светильников. В отражении его серые глаза казались почти черными, а на скулах ходили желваки.

Прежде чем она успела сказать хоть слово или отшатнуться, его руки легли ей на талию. Это не было прикосновением сквозь одежду.

Его широкие, тяжелые, обжигающе горячие ладони легли прямо на ее обнаженную кожу — в том самом месте, где глубокий вырез платья сходил у поясицы. Контраст между прохладным шелком и нечеловеческим жаром его рук был настолько резким, что Дарья судорожно выдохнула, приоткрыв губы. По ее телу от поясицы до самых кончиков пальцев ног пробежала крупная, видимая волна мурашек.

— Яромир Андреевич... — ее голос сорвался на шепот.

— Стой смирно, Мельникова, — приказал он. Его голос звучал хрипло, надтреснуто, дыхание сбилось.

Он не убрал рук. Напротив, его левая ладонь властно, по-хозяйски легла на изгиб ее бедра, фиксируя девушку на месте, а пальцы правой руки — жесткие, с мозолями на суставах — нащупали бегунок у ее бока.

Прикосновение было похоже на электрический ожог.

Он осторожно оттянул край подкладки у ее талии, освобождая застрявший кусочек изумрудной ткани. Шершавая подушечка пальца царапала ее бархатную кожу с мучительной, дразнящей нежностью. Дарья зажмурилась, вцепившись пальцами в край деревянной рамы зеркала. Сердце колотилось в ее ребрах с такой бешеной силой, что, казалось, его стук эхом разносился по всему сорок восьмому этажу.

Берг освободил бегунок. Медленно, сантиметр за сантиметром, он потянул молнию вверх.

Звук скользящих зубчиков замка в тишине кабинета казался оглушительным. Его пальцы неотступно следовали за бегунком, скользя по белой коже ее бока. Мужчина тяжело, прерывисто дышал, втягивая ноздрями аромат ее волос. Запах белого пиона, ванили и чистой девичьей кожи кружил ему голову, выбивая из-под ног остатки железного самоконтроля.

Когда замок дошел до конца бокового шва, Берг не отступил ни на шаг.

Его ладони снова опустились на ее талию. Медленно, неодолимо он потянул ее назад, пока ее обнаженные лопатки и спина не прижались вплотную к его широкой, каменной груди. Дарья почувствовала через тонкую рубашку бешеный, глухой грохот его сердца и жар литого тела.

Яромир наклонился. Его губы почти коснулись чувствительной ямочки под ее ухом. Жесткая щетина обожгла нежную щеку.

— Ты дрожишь, Дарья... — прошептал он ей прямо в висок. Его голос вибрировал от первобытной, темной страсти. — Где же твое хваленое спокойствие? Где жалость к чудовищу? Почему ты не смотришь мне в глаза?

— Вы... вы стоите слишком близко... — с трудом выдавила она, чувствуя, как подгибаются колени от накатившей слабости. — Отпустите меня... Это нарушение субординации...

— К черту субординацию, — его пальцы на ее талии сжались крепче, вдавливаясь в мягкую плоть, словно он клеймил ее своей собственностью. — Ты принадлежишь мне с той секунды, как переступила порог этого кабинета.

В этот момент тишину разорвал резкий, наглый звук.

Тяжелые дубовые двери кабинета с грохотом распахнулись, ударившись об ограничитель.

— Яромир! Совет директоров требует немедленного согласования изменений в...

На пороге застыла Виктория Сабурова.

Старший директор по инвестициям выглядела как всегда безупречно: облегающий алый костюм от Armani, двенадцатисантиметровые шпильки, безукоризненная укладка смоляных волос и тяжелая кожаная папка в холеных руках с алым маникюром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.